

Майя Мёлла

СКАЗЫ ЗЕРКАЛ

*Сборник сказок
и очерков*

Майя Тёплая
Сказы Зеркал

«Издательские решения»

Тёплая М.

Сказы Зеркал / М. Тёплая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902946-1

Глаза — зеркало души. Взгляните внутрь, и вы узрите там чудеса. Откройте глаза и смотрите с любовью на мир. С верой в красоту, Майя Тёплая.

ISBN 978-5-44-902946-1

© Тёплая М.
© Издательские решения

Содержание

Марта ждёт	6
Пасмурное Небо	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сказы Зеркал

Майя Тёплая

Глаза – зеркало души. Взгляните внутрь и вы узрите там чудеса. Откройте глаза и смотрите с любовью на мир. С верой в красоту, автор – Майя Тёплая.

Фотограф Наталья Петрова

Иллюстратор Майя Тёплая

Дизайнер обложки Диана dianakondra.ru Кондра

© Майя Тёплая, 2018

© Наталья Петрова, фотографии, 2018

© Майя Тёплая, иллюстрации, 2018

© Диана dianakondra.ru Кондра, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-2946-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказки

Марта ждёт

В портовом городе с крошечными домиками под дымчатым небом бежала двадцативосьмилетняя Марта. На её шее развевался тонкий шарфик цвета игристого спуманте. На ногах были чёрные, достаточно поношенные туфли. Шла она очень быстро, почти летела, умудрялась не наступать на стыки между камнями мощёной улицы. Ветер тревожно шелестел её густыми каштановыми волосами. Надо сказать, Марта не была похожа на обыкновенную женщину, которую можно встретить вот так просто на улице. Глаза её были удивительно серые. Практически, стальные. И, тем не менее, нам повезло. Мы её встретили.

- Привет, Марта... – появившийся из переулка мужчина, притормозил Марту
- Не подходи ко мне, Виньо, я тебе уже всё сказала!
- Сколько раз я просил не называть меня так, – схватил её за плечо мужчина
- Ай, Альвин, что ты делаешь? Мне же больно! – девушка попыталась оттолкнуть мужчину
- Марта, подожди! – он попытался заглянуть в её глаза
- Марта давно ждёт, – резко ответила девушка, – Я тоже больше не Марта. Всё. Уйди.

Тихое-тихое едва наступившее утро. Простыни практически хрустят от любого еле заметного движения. Свет из окна молочный, рассеянный. Марта спит, обхватив подушку руками. В это время по лестнице пятиэтажки двое рабочих несут огромное зеркало в тяжёлой оправе. Они поднимаются пролёт за пролётом, иногда останавливаясь покурить. Подходят к квартире 74, звонят. Квартира Марты наполняется железным треском дверного звонка. Марта встаёт

и медленно пробирается к входной двери. Глазка в двери нет, Марта смотрит в замочную скважину. Ничего не видит. Открывает.

– Зеркало вот, – мнутя на пороге двое мужчин.

– А... поставьте в коридоре, – девушка выглядит сонной и безразличной, – вот возьмите, – она протягивает денежную купюру

– спасибо, – рабочий кладёт деньги в карман.

Грузчики уходят. Марта закрывает дверь и подходит к зеркалу. Гладит его полупрозрачной розовой ладонью. Смотрит на себя, разглаживает спутанные волосы, потом подходит близко-близко к отражению и дышит прямо на зеркало. Кажется, что она хочет поцеловать себя в нём. Потом, она отходит на шаг назад и говорит вслух: «Теперь будешь у меня жить. Здравствуй!»

Она отходит от зеркала и садится к овальному столу. Смотрит в зеркало издалека.

– Теперь квартира будет немного больше. И я теперь буду не так одинока. Буду замечать, как старею. Наверное, нужно часы повесить к зеркалу. Пусть они дружат. Они оба жестокие товарищи. Или всего лишь – справедливые. В общем, пусть живут, – Марта вздохнула.

Так, в Мартиной квартире появилось огромное старинное зеркало. Раньше в него кто только не смотрелся. Кто только не оставил в нём свои лики. Зеркало отражало всех без разбору. Но больше всего оно любило отражать одного человека. Оно так его любило, что решило оставить себе его отражение даже после того, как он исчез.

Его звали Виньо. Он был высоким, с глазами оливкового цвета и очень красивыми загорелыми пальцами. Когда-то он жил в большом особняке с сёстрами. Но как только ему исполнилось 30 лет, он решил покинуть дом, забросить свою юридическую конторку, и отправиться плыть через океан. Виньо порвал свою обыденную жизнь, и никто не знает, что случилось с ним дальше. Никто не наблюдал больше за ним. Не было у него ни зеркал, ни приятелей, кто бы мог записывать его дальнейший жизненный путь. Последнее отражение в зеркале сохранило Виньо сидящим за письменным столом и перебирающего какие-то бумаги и книги, пишущим расчёты обычным тихим вечером. Виньо спокойно встал, открыл шкаф, достал светло-салатовый чемодан и большую кожаную сумку, начиная складывать в нее свои вещи. Он делал это так, будто ничего особенного не происходит. Будто он просто решил собрать вещи и отнести их на чердак. Но Виньо действительно покинул дом, оставив сёстрам записку, в которой говорилось что-то про океан и про «навсегда», а может «никогда», что в данном случае, наверняка, значило одно и то же. Изумлению сестёр не было края, когда они обнаружили, что Виньо даже не снял деньги со счёта. Впрочем, уже спустя месяц, сёстры жили так, будто всю свою жизнь они были без брата. Такова сила человека – недолго помнить утраты. Даже если они – целая человеческая жизнь. Но зеркало запомнило его. Запомнило так, как, наверное, ни одна из сестёр. Почему так произошло, дать ответ невозможно. Вскоре, выйдя замуж, сёстры переехали. А мебель распродали. Последним из дома ушло зеркало...

Когда зеркало поселилось в новой квартире, оно долго не могло привыкнуть ко всему, что окружало его. Потолки казались ему слишком низкими, а стены – голыми. Вскоре, подружившись с одинокой хозяйкой, зеркало ожило. Оно исправно отражало всё, наслаждаясь этим процессом, как дыханием. И тем не менее, зеркало часто вспоминало Виньо. Особенно по ночам, когда становилось совсем тихо и грустно. Поэтому украдкой, когда хозяйка спала, зеркало раз за разом прокручивало сцены из прошлого. Все они, так или иначе, были связаны с прекрасным Виньо. Вот он работает, вот курит сигару и смотрит в окно, вот он переодевается. Виньо жил в зеркальных грёзах каждую ночь. Марта же тоже не всегда крепко спала – ей снились волнующие сновидения. Одно из них выглядел примерно так...

Девушка в зелёном платье, сама Марта, идёт к причалу. Над её головой отчаянно плачут чайки и разрывают тугое сизое небо острыми белыми платочками крыльев. Волосы постоянно лезут в лицо. Из-за этого всё кажется странным, немного нереальным и расплывчатым. Вон

рыбаки вытаскивают сети с рыбами, и о чём-то разговаривают. Но это не отвлекает внимательного ожидания Марты. Она смотрит в точку на горизонте и ждёт, когда придёт её корабль. Ей должны привезти очень ценное ожерелье из кораллов. Но что же может быть необычного в кораллах? Только она знала, что такого таят в себе эти кораллы. Она знала, что кораллы – это пурпурные существа на дне морском. Ведь их кто-то доставал. Кто-то рисковал, ради неё, Марты.

Соль в воздухе пропитывала кожу насквозь, пена беспокойного моря шипела под ногами, а девушка на берегу всё ждала. Мимо проходили жёлтые собаки, люди в резиновых сапогах, проезжали мимо тележки с досками, а долгожданное время так и не наступало. От этого ожидания душа Марты ныла. И вскоре она просыпалась, чтобы сменить картинку во сне на что-то более щадящее или вовсе – на пустоту. Потом сны повторялись, она снова стояла на причале, подходила к лавке с сувенирами и брала ракушки. Перебирала одну за другой, прикладывая каждую к уху. Они были точно нежно-красные сердца, и шум в каждой подобен их биению. Марта искала одну единственную, нужную ей сердце-ракушку, но шум в них всё время был немного не тот. Она клала их на место и говорила старухе-продавщице: «Завтра приду. Спасибо». В это время за спиной снова рыбаки тянули сети с рыбой, некоторые сидели и раздвигали брюшные полости крупных рыб большими ножами. От запаха Марта уходила прочь. И снова просыпалась.

Зеркало же погружалось в свои грёзы, и часто забывало, где реальность, а где начинается воображение. Виньо был словно настоящий. Дело дошло до того, что он выходил из зеркального воображения в пространство тёмной комнаты. Когда фонари медным светом качались в капельках дождя на стекле, и даже фиалки на подоконниках уходили в глубокую дрему, воображение зеркала и Марты переплетались в единую форму. Проще говоря, возле Марты часто спал практически Виньо. Практически – потому что отражения, как и любые сны, только отчасти физические, в большей степени они, конечно, эфемерные. Тень молодого человека начинала привыкать к этой ночной жизни. Он часто сидел на кровати с хрустящими простынями, боясь сделать лишнее движение, чтобы не нарушить эти мгновения тишины. Он смотрел на спящую Марту, и то ли он отражался в зеркале, то ли зеркало отражало его. Сны Марты так и шуршали цветными фантиками с часовщиками и рыболовами, пока до неё не дотронулся молодой человек. Он коснулся её плеча, и она очнулась.

– Ты пришёл. Я ведь ждала.

– Да, сам не знаю, почему так долго вышло...

– А где кораллы?

– Я, конечно же, их принёс. Двадцать восемь за каждый год твоего ожидания!

– Если бы ты подсчитал ещё каждый час...

Виньо вытащил руку из кармана и положил первый коралловый шарик на лоб Марты. И так по очереди он разложил их все вдоль её тела. Потом лёг рядом с ней, и так же по очереди их собрал. Марта с закрытыми глазами ощущала тяжёлые красные капельки на своей коже. Она перехватила его руку и притянула её к своим губам. Коралловые шарики вылетели из ладони один за другим на простынь и дальше – с кровати на пол, отскакивая звенящими горошинами. Девушка проскользнула ниже по телу Виньо, замерев у его грудной клетки, слушая, как шумит его сердечная ракушка. Она звучала именно так, как подобало! Виньо обнял её, упав в тёплый, сладко-жгучий запах её волос. Пространство комнаты задрожало. Зеркало отражало их любовь.

С тех пор Марте перестали сниться сны. Но это не пугало ее. Наоборот, обрадовало. Каждый вечер, после смены в библиотеке, Марта спешила домой. Она покупала помидоры и красные яблоки в овощной лавке, сыр и булку с корицей в пекарне, неся всё это в бумажном пакете. Она быстро шагала по узкой улице. По дороге ей попадались знакомые женщины-соседки и мужчины-читатели, дворник и продавец из бакалеи, а иногда – дети. Марта шла по переул-

кам домой. Открывала дверь, здороваясь с домом. Быстро ела и ложилась спать. Вместо снов к ней приходил Виньо.

Однажды воскресным утром к Марте забежала её давнишняя подружка Берта. У неё были светлые прозрачные насквозь глаза, как два замёрзших зимой стёклышка.

– Как представляю, что где-то на кромке океана валяются нежные нерпы, а в Индии бродят большие слоны... А у нас растут виноградники и люди поют о любви, м-м-м, как же приятны мне путешествия, как же приятны мне любви приключения... – Берта щебетала, возясь в пакете с мукой, решив помочь приготовить подруге завтрак

– Да, да, приключения... Не ходите в Африку гулять... – Марта была погружена себя, и лишь повторяла отдельные обрывки фраз.

– Послушай, тебе нужно выходить из этого застоя. Ты целыми днями сидишь в своей пыльной библиотеке и дома. Так нельзя! Твоя молодость проходит, а ты всё сидишь одна, Марта, очнись! – Берта помахала ложкой перед лицом подруги, будто пытаясь вывести её из гипнотического состояния.

– Да я привыкла, Берта. Тем более у меня есть ты, – Марта изобразила довольно милую улыбку.

– Но я не заменю тебе семью. Не заменю мужчину. Это совсем другое! Любовь к мужчине... – тут Берта вздохнула и зависла с улыбкой на чувственных губах.

– Понимаешь, я же никогда не была такой, как ты. Я не умею ни с кем знакомиться. Да и флиртовать у меня не получается. Мне всё это чуждо.

– Ну ведь ничего сложного в этом нет! Пойдём со мной вечером в бар. Вот увидишь, как много мужчин там будет желать твоего внимания, – игриво вздёрнула свои аккуратные брови Берта.

– Я не знаю, – замялась Марта, – я не люблю шумные места.

– Там же весело! Перестань...

– Но мне там почему-то грустно, – сказала Марта, и вылила запекаться на сковородку очередной блин.

Но всё же, что не сделаешь, поддавшись уговорам очаровашке Берте. Она сидела в тонком ярко-зелёном топике с открытой спиной. В ложбинке между грудей виднелась маленькая красная бусинка. Ткань блестящего топа поднимали острые соски, которые хорошо прочерчивались из-под тонкого материала. Узкие бежевые брючки и высокие каблуки модных туфель подчёркивали её ножки. Она пила мартини и стреляла глазами по сторонам. Её язык ловко хватался за трубочку в коктейле и притягивал её в рот, поглощая очередную порцию жидкости. Марта сидела рядом, положив ногу на ногу. Руки она сложила у груди, обхватив каждую за локоть. От этого она казалась немного сутулой. Лицо её было напряжённым, будто она сейчас же собирается встать или будто она высматривает что-то вдалеке, но это является ни чем-то конкретным, а плодом её воображения, застывшим в воздухе. От этого между бровей ходила нервная складка мыслей. На Марте был терракотовый шарфик и тёмно-серое платье с пояском. Тонкие бежевые чулки и коричневые, немного спортивные туфли. Воздух с табачным дымом окутал каштан её волос, принесся с собой все блики прожекторов и отзвуки смешливых девушек, отдыхающих за соседними столами. Марта была напряжена. Обычно в это время к ней приходил Виньо. А теперь она сидит вот тут, одна, в окружении всех этих бессмысленных разодетых людей. «Почему же они все улыбаются?» – думала Марта. «Что здесь такого весёлого они находят?» – и она поднесла к губам чашку ароматного кофе. Берта в это время уже активно улыбалась с какими-то двумя господами. Каждому она улыбалась одинаково искренне и одинаково обнадеживающе. Один держал её под руку. Другой подливал мартини и элегантно жестом подносил зажигалку к её сигарете. Марта же погружалась в свои размышления об этом

вечере, и о том, как же сейчас там Виньо. Под потолком крутился зеркальный шар, от которого во все стороны отлетали маленькие светящиеся зайчики. Не успела Марта повернуть в своей голове и двух сцен, посвящённых её тайной любви, как в дверь бара зашёл мужчина. На нём была простая белая рубашка и светло-серые брюки. Через руку у него была перекинута летняя куртка, в другой был небольшой чемодан. Он подошёл к барной стойке и попросил налить ему немного коньяка и чёрный кофе. Он закурил какой-то очень приятный табак. Всё это происходило возле застывшей Марты. Он сидел прямо по левую руку от неё. На том месте, где сначала сидела неугомонная Берта. Мужчина повернул голову к Марте и рассмотрел её спокойными тёмными глазами. Марта продолжала мечтать, и, естественно, ничего не замечала.

– Добрый вечер, меня зовут Альвин, – его голос был не менее спокойный, нежели взгляд.

Марта медленно повернула голову, стараясь ощутить, откуда пришёл неожиданный голос.

– Альвин... Вы что-то хотели? – ещё не открыв глаза, сказала Марта. Её голос был настолько тих, что мужчине пришлось наклониться поближе.

– Я хотел узнать, как Вас зовут. Я хотел с Вами поговорить.

– Марта, – она открыла глаза, и её зрачки молниеносно расширились.

От удивления Марта покачнулась на стуле и не смогла закрыть глаза. Хотя обычно она прячет их, когда к ней подходят ненужные и неинтересные ей собеседники. Здесь случилось необъяснимое. Это был самый настоящий Виньо! Своими красивыми смуглыми пальцами он держал сигариллу и стряхивал пепел. Горло рубашки было расстегнуто, обнажая его мужественный кадык, который так удивительно ходил вверх-вниз. Марта, конечно же, его узнала. Она даже потянулась рукой к шее, но вовремя её убрала. Она проскользнула глазами к щеке, о которую она так любит тереться своей щекой. Его щека была столь же слегка щетиниста, как обычно у Виньо. Марта улыбнулась одним уголком губ, продолжив дальше исследовать мужчину. Вот и его волосы. В его волосы она обычно запускает всю свою тонкую пятерню и нежно копается в ней, слегка касаясь кожи головы ноготками. А глаза... когда он их закрывает, она целует веки своими нежными горячими губами, когда же он их открывает, она долго и пристально в них смотрит. Смотрит так долго и так глубоко, что сердце начинает ныть и у него, и у неё. И вот сейчас она посмотрела так же.

– Ты очень необычная, Марта.

– А ты очень красивый. Только ты не Альвин совсем.

– А кто же? – улыбнулся мужчина.

– Ты мой друг из зеркала, – девушка улыбнулась и её щёки моментально превратились в алые огоньки смущения.

– Из зеркала, – задумался Альвин, – расскажи мне про него.

– Сначала расскажи ты мне про него.

– Я когда-то имел одно важное для меня зеркало... Но я уехал.

– Ты его бросил?

– Нет.

– Да, ты его бросил, – настаивала Марта.

– Ну, можешь так думать. Но я не бросал. Я просто уехал и не мог его забрать с собой, – он наклонился к девушке и произнёс это так, чтобы она ему поверила.

– Зачем же ты уехал? – удивилась Марта.

– Я понял, что моё сердце пустое. И что удобства дома не заменят мне бурю страстей.

– И как твоё сердце?

– В порядке.

– В страстях?

Альвин улыбнулся, будто его только что подловили.

- Моё сердце бьётся.
- Моё тоже. Но я не бросала зеркало для этого. А наоборот. Приютила его.
- Видишь, всё у всех по-разному. Одному надо что-то оставить, другому же наоборот – принять это.
- И куда же ты ушёл от него?
- В океан..Хотя я совсем ничего не помню, что было до океана. Это была другая жизнь, которая лишь иногда всплывает во сне. Может, я смогу что-то вспомнить?
- Как ты мог всё забыть?
- Почти всё. Зеркало помню. А вот где оно было и когда не помню. И девушку помню. Но это уже сон. Где сон, а где не сон – плохо разбираюсь.
- И как успехи с девушкой?
- Не знаю, дождалась ли она...
- Почему она должна тебя ждать? – возмущённо сверкнула глазами Марта.
- Потому что я должен к ней плыть. Так устроено всегда, – на некоторое время они замолчали. Марта посмотрела куда-то в сторону. В её сердце всё кипело и плавилось. Внешне она оставалась холодной. Только руки становились немного влажными, и чтобы спрятать это волнение, она теребила в руках салфетку.
- Почему тебя зовут Альвин? – начала она.
- А что? Не нравится это имя?
- Нравится. Просто в моём сне его зовут Виньо.
- Расскажи мне свои сны, пожалуйста.
- Тебе это правда интересно? – Марта закусила губу и внимательно посмотрела на Альвина, решая стоит ли доверять ему свои тайны.
- Да, конечно! Только не здесь. Тут слишком шумно.
- Я тут с Бертой. Давай лучше встретимся с тобой завтра?
- Давай. К семи я буду идти мимо базара в центре города. Давай там, у больших часов?
- Давай.
- Я рад тебя встретить, Марта! – Альвин накинул куртку, оставил вдвое больше денег, чем он заказал. И быстро исчез.

Марта подошла к Берте. Та увлечённо общалась с мужчинами. Кажется, это уже были другие.

– Берта, я пойду спать, – наклонилась к её уху Марта, и от этого на её тонкой спине показались сквозь платье кубики позвонков.

– А, хорошо. Всё хорошо? – отвлеклась от беседы Берта. Её губы горели алым хищным огнём.

– Да, просто здесь мне немного душно, – Марта разогнулась и потрогала свою шею, освободив её от шарфа.

Подруги попрощались, и Марта выскочила на улицу. Было темно и прохладно. Ночь густо размазалась по улице, лишь фонари и вывески баров да магазинов разбавляли эту тьму. Марта вдохнула воздуха, и ей захотелось бежать. Бежать за ним и схватить его за руку и упасть на него, слушая его сердце, прижимаясь к груди. А потом долго целовать его губы, обливаясь солёными слезами. Всё внутри Марты сжалось от невозможности. Бежать было некуда. И она пошла домой. Переулки казались угрожающе тихими, и поэтому она пробиралась осторожно, на цыпочках.

Когда она поднялась по лестнице, и вошла в квартиру, первое, что сделала – подошла к зеркалу.

– Вот так вот бывает. Такие вот шутки... – потрогала зеркальную поверхность нежным касанием руки, словно гладила кого-то по щеке.

Дальше она была молчалива. Приняла горячий душ, сложила одежду на стул, и легла в кровать. Посмотрела на будильник и подняла кнопочку сзади. Завтра бы не проспать.

В эту ночь Виньо не приходил. Марта спала спокойно. Ей даже снились какие-то сны.

Проснувшись, Марта не сразу вспомнила про вчерашнюю встречу. Она опаздывала в библиотеку. Поэтому собиралась быстро, и мысли её были, как пчелиный рой. Она то и дело отвлекалась от того, что делала и хваталась за другое. То она начинала рыться в сумке, то искать чулки, то чистить зубы. В общем, она торопилась. Когда она, наконец, вышла на улицу, солнце вплелось лучами в её густые ресницы и плюхнулось, чтобы искупаться в чистоте её серых глаз. Марта зажмурилась и в этот момент она вдруг остро вспомнила про любовь. Она внезапно посмотрела на свои руки, будто решила ощутить, что она жива, не спит и находится в этом теле. Ускорив шаг, она ещё пронзительней осознала в себе Любовь. Ощутила, как она разливается в ней, заполняя её грудную клетку, заполняя под рёбра, спускаясь по бёдрам и разливаясь в икрах – в каждой клеточке танцевала солнечная зернистая, но чистая энергия любви. Она то разжижалась, то уплотнялась в поток, который начинал разносить по крови странное чувство эйфории, от которого всё тяжелее становилось ровно дышать. Голова заполнялась парением, будто все мысли оказались в невесомости, отлепились от стенок и начали летать прямо в голове. Марта погрузилась во все эти ощущения. Сконцентрировавшись на каждом потоке, она почувствовала, как от сердца во все стороны исходят мягкие ровные светящиеся волны. Это свечение было направлено во все стороны одновременно. И не имело никакой цели и смысла, кроме как самого свечения. Марта улыбнулась. Она почти дошла до библиотеки. Её ожидали обыкновенные полки с книгами. Но Марте казалось, что в этих книгах бездны историй и миров, путешествий и страстей, океанов и пустынь, героев и героинь. И все они ждали, когда влюб-

лённая Марта наконец-то дойдёт до них. Начнёт их бережно протирать, или же выдавать посетителям. Или же сама захочет окунуться в какой-либо из миров, что предлагают они, радушно раскрывая свои обложки и показывая страницы. Вот Марта зашла в помещение. Она проходит мимо стеллажей к своему столу. Случайно она задевает плечом книгу, которая падает ей под ноги. Марта наклоняется и берёт в руки упавшую книгу, интуитивно начинает читать на том месте, где она раскрылась.

«...Там были самые обычные домики, в которых жили самые обычные люди. Только однажды вся деревня внезапно ушла под зыбучий песок. Он похоронил под собой всё: скотные дворы, коровники, бани и огороды, дома и церкви. Всех куриц, собак и даже людей. Не спасся никто». Марта продолжила рисовать эту картину дальше сама: «... и только огромные ягоды малины не ушли в песок, потому что гигантские колючки не позволили песку её поглотить. И вот, висит эта малина, несъеденная, над песком и погибшим городом. Потому что если ты подойдёшь за ягодами, тебя непременно засосёт в песок. И где же этот смельчак, что рискнёт пойти за ягодами и принесёт их мне? Это как раз и есть Любовь. Вот такая она и есть, с колючками, мёртвым городом под песком и огромной малиной...»

Марта не заметила, как посетитель подошёл к ней со стопкой книг, ожидая, когда она впишет их на его имя.

– Да, простите, – Марта потянулась за книгами и начала вписывать их в свой журнал.

Сама же она давно думала о чём-то своём, выполняя работу механически. Её пальцы с голубоватыми венками аккуратно взяли книги, повернув их корешками, чтобы прочесть названия. Все движения были плавными, ласкающими. На ней было малиновое платье и синий кардиган. В одном ухе висела длинная голубая серёжка. В Марте всегда сочеталось что-то вызывающее и скромное. И как это сочеталось, не создавая парадоксальности, понять невозможно. Но именно такова была она – странная, угловатая, иногда резкая, но при этом очень плавная и нежная. Яркая, но тихая. Всё это завораживало, и чем дольше смотришь на неё, тем меньше понимаешь, как могут так гармонично складываться эти черты в одном человеке. Даже одна её бровь была слегка приподнята, будто она сама этому удивляется. При этом её удивительном шарме поклонников у неё не имелось. Хотя она всем нравилась. Кого-то она удивляла, кто-то просто ею любовался, кто-то даже восхищался, но проявить эти чувства вряд ли решался кто-то из них. Её считали слишком изысканной женщиной, чтобы позволить себе ухаживать за ней всерьёз. Марта же не огорчалась. Она любила вечерами сидеть у своего окна и о чём-нибудь тихо размышлять. Иногда она выкуривала у открытого окна одну-другую сигариллу. Ей нравилось, что серый дым, как ласковый кот, окутывал её плечи. И только к такой девушке могла прийти такая любовь. Любовь, слепленная из снов, фантазий, отражений и случайных совпадений, которые как осколки или лоскутки, соединились в одну форму.

День в библиотеке прошёл быстро, время близилось к семи. Марта поспешно завершила все дела и выскользнула в вечеряющий город. Она обратила внимание, что многие идут парами. Парни с девушками, молодые студенты и пожилые дамы с мужчинами держались за руки, или шли, обнявшись. Марта словила себя на мысли, что она никогда в жизни ни с кем так не ходила. И ей стало интересно, как передвигаться не в одном теле, а в двух. Привыкать к этому, наверняка, сложно. Наверное, даже походка изменится. Да и вообще, иметь четыре руки – это достаточно новое ощущение. Это так взволновало Марту, что она ускорила шаг, чтобы никто из прохожих не уличил её в этой мысли. Часы большой площади у базара уже показались. Много людей и птиц любило собираться на этой площади по вечерам. В этот вечер Марте тоже предстояло свидание на этом месте. Альвин уже был там. Он стоял, прислонившись к монументу. Марта подошла к нему быстро, но осторожно. Она прыгнула в его глаза и ощутила, как в них пульсирует сердце, вынырнула и попросила взять её под руку, скомкано объяснив всё, что она только что поняла про четыре руки и новую походку. Альвин улыбался. Ему казалось это прекрасным вздором.

– Так ты мореход?

– Ну, может быть, так.

– И что же ты делал там?

– Я плыл. Выбирался в разных странах. Находил подработки, встречался с людьми. Снова плыл. Заводил друзей. Расставался с ними. Снова плыл. Часто я ни с кем вообще не общался и не заводил даже знакомых. Бывало по-разному. Нигде не оставался больше двух месяцев. Но если быть совсем откровенным, то я не знаю, что было до шторма и как я жил до него. Случилось так, что мы попали в роковой шторм. И наш корабль долго метало по океану. Я сильно ударился о потолок каюты. Долго лежал в забытьи, меня тошнило, я погружался в долгие сны. Мне приносили еду, кто-то оставался сидеть, когда у меня был бред, и следил за мной. Хотя я этого ничего не помню. Когда море успокоилось, и я пришёл в себя, мне сказали, что три недели я провёл в этом состоянии. Я забыл всё, что было со мной до корабля. Забыл своё имя. Забыл свои истории, свои чувства, забыл цель своей поездки. Я помнил лишь свои сны, что я плыву к девушке, которая меня ждёт.

– А четыре руки было? – после долгого молчания Марте ничего не оставалось, как пошутить.

– Четыре нет. Только у нас с тобой может быть четыре, – пошутил в ответ Альвин.

– Почему только у нас?

– Но ведь это ты придумала.

– Да. И только с тобой я так пошла. Раньше я так не ходила никогда.

– Тебе нравится?

– Необычно. Но так интересней, – помолчав и справившись со смущением Марта добавила, – У меня есть один друг. Он приходит ко мне из зеркала. Я его очень люблю. И он – это ты. Просто я теперь не понимаю, кто из вас реальный.

– Это его зовут Виньо?

– Да.

– Ты думаешь, он – это я?

– Да, – Марта кивнула. – Ты, конечно.

Марта сжала ладонь Альвина и ощутила, как ей под рукав забралась ласковая страстная змейка удовольствия.

– Помоги мне это понять. Ведь я ничего не помню. Мне все всегда кажется сном. И только сейчас я начинаю чувствовать, что просыпаюсь. Но этот сон был таким долгим и глубоким, что в нём появились хитрые капканы-подуровни. Я должен миновать их всех и освободиться, – Альвин положил руку на талию девушке, ощутив, как двигается её тело при ходьбе. Ее тепло сквозь тонкую ткань прожигало ему ладонь.

– Может быть, я полюбила всего лишь отражение твоё, а не твою суть?

– А может быть, моя суть ушла в моё отражение и здесь осталась лишь форма?

– Виньо! – Марта затряслась в рыдании, закрыв внезапно лицо руками, – что же нам делать? Неужели ты ничего не помнишь, – всхлипывала она.

– Я помню Тебя, – Альвин обнял трясущуюся фигурку девушки и прижал к себе, уткнувшись в копну её ароматных волос.

В затылке Марты образовался шумящий шарик со звуком взлетающего самолёта. Альвин с Мартой поднялись на её пятый этаж. На подоконнике кухни стояла ваза с петрушкой. Её листочки будто трепетали, приликая к стеклу окна. За окном неподвижно парил туман. Марта прислонилась лбом к холодному стеклу, от её дыхания запотело окно. И от этого видимость исчезла совершенно. Альвин подошёл к ней, осторожно прикоснувшись губами к затылку. Ему казалось, что он вдыхает целый сад благоухающих цветов, различая при этом аромат каждого цветка в отдельности. Его сердце становилось всё шире и уже походило на котлован, в который он сам подбрасывал свои чувства. Ему привиделось, будто он идёт по огромной лестнице

в небо, наступая на каждую ступеньку, он становится другим человеком. Он замечает, что по пути ему встречаются сидящие божества – мужчины и женщины. Когда Альвин доходит до вершины пирамидальной лестницы, он видит своё сердце. Оно полностью заполнено зерном. Он смотрит вниз и видит пройденный бесконечный путь. По лестнице так же поднимаются другие люди, все они в конце концов поднимаются к вершине с котлованом, и кладут туда горстку зерна, зажатую в ладони. На зерно слетается стая птиц, они клюют его и опускаются в медленном парении на землю. Альвин отрывается от затылка Марты, выныривая из внезапного видения.

– Знаешь, рядом с тобой я погружаюсь в странные видения.

– Какие?

– Они слишком странные, чтобы их возможно было описать. И я боюсь потеряться в иллюзиях и не вернуться в реальность.

– А что же тогда реальность, по-твоему?

Реальность неправдоподобна. Скорее, наоборот, она иллюзорна. Она есть вымысел Высшего Разума. Так и мы – погружаемся то в сны, то в иллюзии, то в странные отражения, порой, кривых зеркал. Иногда мы сами – отражения. Мы – это наши мысли. И любое сомнение – это камень в отражаемую реальность. Если делаешь – не бойся. Если боишься – не делай. То же самое можно сказать и про веру. Верь, даже если нет повода верить. Жди, даже если уже прошла вечность.

Марта всё также сидела у шумящего седого океана. Она молчаливо теребила пальцами гальку под собой, и лишь иногда что-то неслышно шептала. Её нежное платье с воланами по подолу и у груди вобрало в себя солёный терпкий воздух. Волосы Марты покрывала тонкая сиреневая шаль. За её спиной кто-то нёс огромное зеркало, делая это так, будто это само собой разумеется. В нём отразилась и Марта, и угол таинственно шевелящейся над головой шали, и океан с растерзанными тёмными облаками. Зеркало пронесли мимо, и реальность пришла в себя снова.

Мягкие плавные узоры в прозрачном синем воздухе переплетались, создавая новые фигуры и новые узлы. В эти соединения неслучайно попадали руками и ногами люди, которые случайно проходили мимо. И цепочки почти невидимых пересечений в воздухе жадно впились в событийный план, захватывая людей, как марионеток, в свои любящие проиграться щупальца.

Вот они схватили одного зазевавшегося паренька, подсыпали ему в кофе какой-то дурманящей крошки, и он выплыл из кабака с рассеянной улыбкой. Дальше чудака уже вели щупальца, поддёргивая его за воротник и помогая быстрее оказаться в закрученной другими щупальцами воронке. Маленькие серые карлики уже перекроили реальность на свой лад, сшив лоскуты новой реальности. Людям осталось только попасться в их ловушки и сыграть уготовленную им роль. Лепестки Вселенной дрожат от нетерпения, от ожидания новых событий, в которых они смогут раскрыться и впитать в себя сок эмоций.

Парень шёл по улице, не подозревая, что вот-вот окажется в испепеляющем страстью ветреном пространстве. Волосы его уже шевелились от этих порывов. Он так долго ждал этого события, хотя и не сознавал себе до конца в этом.

Некоторые люди всю жизнь ждут одного единственного мига. Кто-то рождён, чтобы умереть в схватке. Кто-то, чтобы сказать сильные слова. Кто-то, чтобы молчать долгими вечерами. Кто-то, чтобы забраться на самую высокую гору и замереть от восхищения миром, раскинув руки и подставив лицо совершенству солнца. Этот же молодой человек был рождён для того, чтобы разбить тишину криком.

В этот убаюкивающе-сладкий вечер Питтер шёл к своей знакомой, с которой они частенько проводили вечера вместе. Когда он вошёл к Элис, она уже ждала его. В копне ее волос торчали две японских палочки, отчего лицо её делалось ещё прелестней. После ужина картошкой с бокалом хорошего французского вина на кровати Элис раздавались скрипы и стоны. Питтер принимал самое активное участие, но не ради этих стонов он был рождён...

Облака, чёрные, с острыми бивнями, плыли в посиневшем ночном небе. В каждом окне загорался медово-рыжий свет и медленно потухал. Шум прекращался, превращаясь в ровное дыхание спящего городка. Вздохи разволновавшегося моря слышны отчётливо, но и они не мешают спать. К тревожным приливам и отливам здесь привыкли уже все. И только приезжим спалось непривычно. Альвин спал, обняв Марту, но иногда он вздрагивал и внезапно открывал глаза. Утыкался снова в её затылок, вдыхал дурманящий запах сонного тела и снова засыпал. В соседней квартире старая женщина сквозь сон стонала полуоткрытым ртом, облизывала шероховатые губы ватным языком. Вся её комната пропитана была слегка ментоловым, травянистым запахом лекарств. Поразительно, как в её дряхлом изношенном теле ещё теплится жизнь. На столике возле высокой кровати с подушками стояла настольная лампочка и блестела иконка Божьей Матери, рядом стоял стакан с водой, в нём плавали челюсти. Рот у старухи стал совсем фиолетовым, словно эти фиолетовые тучные бегемоты в небе, с морщинистыми животами, которые так медленно идут рядком, подталкивая друг друга мордами.

Из гор здесь будут пески.

Из песков будет почва.

Из почв – деревья.

Из деревьев – плоды.

Всё повсюду плодоносит. Каждая мысль-цветок станет плодом. Мы – это тоже плоды. И все мы ждём одного лишь момента – быть сорванными. Исполнить свою задачу здесь. Тонкий протяжный голос ветра завыл по переулкам. Ночь не раскрывала своих тайн. Спящие бродили каждый по своему коридору сознания.

Солнце катастрофически врезалось в зеркало, что стояло в 74ой квартире, разрезав шторы и полкомнаты Марты. Малиновыми жгучими змеями закрутившись в её волосах, пробудило сразу спящую, наградив щедрыми поцелуями и бликами всё её тело. Альвина не было.

Марта собиралась в библиотеку. Встреча с мужчиной из её снов казалась несбыточной мечтой, удивительной сказкой. «Наконец-то не придётся больше мечтать», – с облегчением подумала Марта, улыбнувшись тому, как она перепутала левый чулок с правым. Выскользнув на улицу, она улыбалась всем прохожим, знакомым и незнакомым лицам. Ведь сегодня настал её момент. Никто ещё не подозревает её счастья, и сладкое чувство в груди пело весёлым огоньком. В библиотеке всё было как всегда. За исключением того, что в полдень пришла Берта. Она попросила какую-нибудь интересную книгу.

– Странно, раньше ты никогда не читала.

– Да, но мне так захотелось разнообразить свою скучную жизнь... – скривила красивый рот Берта

– Это у тебя-то она скучная? – Марта ухмыльнулась.

– Я совсем не об этом мечтаю!

– А о чём же?

– Я словно жду чего-то, что будет у меня в будущем, это очень-очень важное, но я пока не могу понять, что же это такое.

– Понимаю, – Ответила Марта и всучила подруге пару потрёпанных книжек, особенно не задумываясь над авторами и тематикой.

Прошёл и этот солнечный день. Альвин не появился. Марта запереживала. Она ждала его до утра, но так и не дождалась. Под утро её посетил короткий сон, как туман. Там сырое солёное облако обволакивало её тело. Чёрные тряпки летали в пространстве и пыль битого стекла. Дышать было невозможно. Под ногами были раздавленные сердца, в которые она невзначай наступала голыми пятками. И чёрная кровь пачкала её белые ноги. Вдали кто-то плёл пряжи. Веретено с шерстяной нитью крутилось медленно и ритмично. Тут Марта заметила, что эта нить идёт из её сердца. И ощутила острую боль. Она проснулась. Снова день. Вечер. Ночь. День. Вечер. Ночь. День. Вечер. Ночь... Марта ждёт. Марта вечно ждёт. И непонятно уже кого – то ли странного мужчину, заглянувшего к ней из далёких стран и так похожего на её мечту, то ли снов с мягкими волнами моря? Эти два имени в одной сути наперебой грохотали в её ушах, как бесконечные удары сердца, как бесконечные волны океана.

Питтер снова наведалься к Элис, Берта снова выпила в баре с новым незнакомцем, старуха вытащила свои вставные зубы, а Марта опять ждала... Она вышла в тёмный город, с просоленными глазами, и направилась к шумящей полоске моря.

Горы, угрюмо нахмурившись, смотрели на бушующие волны с хрустальными отблесками висящей в небе луны.

*Время встречаем
И время разлукам.
Время штилю
И время шторму.*

*Время ночи
И время дню.
Время находить
И время терять.
Время помнить
И время забвению.
Время рождаться
И время уходить.
Время любви
И время нелюбви.*

Марта сидела у фиолетовых брызг шуршащего моря и плакала навзрыд. Никто не мог услышать этого рёва. Потому что всё и вся оглохло в эти мгновения. Потому что Марта дождалась того, чего она ждала. Что хуже – бесконечное ожидание или потеря найденного? А может, то и другое прекрасно, как эта оглушающая звериная чернота неповторимой, нестерпимо-сочной ночи с океаном, смеющимся в глаза солёными брызгами? Боль пропитала душу Марты, потерявшей счёт дням. Время исчезло.

Тишина сразила свежим клинком, высекая скорбь и сожаление. Марта возвращалась домой. Она шла медленно, с затуманенными глазами, но прозрачная внутри. Такая прозрачная, что сквозь неё могли просвечивать звёзды. Она уже наступала на стыки между камешками вымощенной мостовой. Она переменялась, будто это вовсе не Марта. Глаза её стали чернее, но свет, который проник внутрь скоро разгонит пелену и замерцает осознанием Великого. Слезы – дань человеческого существования этому миру. Скоро не станет их.

– Привет, Марта! – голос, как топор, рухнул из темноты.
Марта остановилась молча.
– Это же я, Альвин. Ты что забыла?
– Я не помню тебя, Виньо, я не знаю тебя, Альвин... -заворожено ответила девушка.
– Как же? Что ты говоришь такое, моя Марта? Ведь я так долго искал тебя по этим бесконечным переулкам... Неужели ты не помнишь меня больше?
– Я больше не Марта, – холодным, как лезвие бритвы, голосом сказала она и двинулась прочь.
– Подожди, Марта! – крик мужчины рухнул отчаянным булыжником в бездну бесконечных арок приморского маленького городка.
Марта подобрала под ногами камень и скрылась в сплошной темноте.

Когда Марта зашла в свою 74ую квартиру, она, не раздеваясь, подошла к огромному старинному зеркалу, начав бить по нему камнем. Осколки зеркала ударились о её руки, извлекая из них красные струйки крови. Зеркало разбивалось. Зеркало умирало. Зеркало перерождалось. Его лицо хрустело от тяжёлых ударов камнем, пока всё не превратилось в месиво блестящей пыли под ногами. Больше не придётся отражать. Больше не придётся мечтать. Больше не случится поиграть солнечными лучами.

*Отражаемое отражается.
Разрушаемое разрушается
Возрождаемое возродится.*

Утро. Оживлённая площадь. Питтер идёт с улыбкой наглеца. За рукавом свежая газета. За спиной снова несвежий ночной бред. Берта собирается уехать из города за манящей на горизонте мечтой и тоже идёт по площади. Старуха жуёт сегодня последний раз вставными зубами булку, запивая её стаканом молока. Виньо (от имени Альвин он избавился) возвращается домой. Думая возобновить прерванную жизнь и постараться выбросить из головы прекрасные губительные иллюзии. Но своего дома он не обнаружил, как и трёх своих сестёр. Больше никому отражать их жизнь. И они все исчезли. Реальность подстроила всё верно, исказив то, что казалось бы исказить не стоит.

Нет ничего реальнее реальности.

Нет ничего иллюзорнее реальности.

Марта идёт с руками, перевязанными бинтами, по площади, наблюдая, как люди снуют из стороны в сторону, каждый со своими мечтами и желаниями. У неё не появилось новых целей, но жизнь она ощущала особенно остро здесь и сейчас, видя, как толпа бесконечно сменяющих друг друга людей проходит перед её глазами. Она села на скамейке, решив ещё немного окунуться в состояние одномоментности, случайности и неповторимости. Она ощущала вкус каждой секунды своей жизни, которая соприкасалась сейчас и с другими людьми. Дворники медленно взмахивают мётлами, убирая осколки прошлого с серых плит площади. У прохожего падает из кармана носовой платок на землю. С земли взлетает стая белых птиц, отражая крыльями свет нового дня. К Марте подсаживается мужчина и угощает её сигариллой. Марта, улыбаясь, курит.

Кто-то подбегает к пареньку с газетой подмышкой и начинает резать его живот двумя тупыми ударами ножа. Люди плавно парят, почти не касаясь звенящего воздуха. Крик, короткий, но острый, как всепрощающая боль, разбивается по площади и исчезает.

Пасмурное Небо

Он сидел в своей зашторенной наглухо комнате и играл мелодию на гитаре. Он всегда играл. В последние полгода – особенно часто. Он побледнел и сильно похудел, туберкулёз уже давно запустил свои корни в его лёгких, и поэтому он больше не пел. Слишком тяжело напрягать связки, когда постоянно к горлу тянется невидимая, но жестокая и сильная рука душливого кашля. Пот выступил на его прохладном лбу, кажется, сегодня – длится вечно...

Это была середина февраля, дворники за окном счищали с асфальта снег, небо же никто не расчищал, и поэтому оно нахмуривалось шершавыми сизыми складками. Оно было пасмурным. И только к ночи исчезали последние признаки мрачного дня – и ткань неба становилась чёрной. Грег засыпал беспокойно – сильные приступы кашля мешали ему погрузиться в глубокий сон, и тогда он слышал, как ветви тревожно стучат в его окно, и ему казалось, что небо за окном становится то белёсым, то словно размытая клякса на бумаге. Такие ночи были похожи на бред – тяжёлые, ватные, медленные. На подушке Грега бескомпромиссно атели ручейки его крови. Музыка же... она была всюду! Она была, когда ему удавалось заснуть, она была, когда он просыпался, когда шёл пить чай, мыл посуду, слышал шум с улицы, но самое главное, она не прекращала звучать в его голове. Как ему казалось, что тонкой нитью она входит где-то сзади его правого уха, с затылочной части. Сайм, его друг, часто приходил к нему. Ещё до его болезни. Он любил сидеть, подолгу, молча или разговаривая, иногда он рисовал его портреты, графично, какими-то ломанными линиями, но в этих изломах был весь Грег! Даже его черты лица были такими – острыми, будто он и есть оживший рисунок Сайма...

Сайм просил его выступить, но Грег был против – ни сейчас, ни до его болезни он не любил большого скопления людей. Возможно, он вообще стал чахнуть, потому что он был слишком изолирован от внешнего мира. Но тем не менее, его музыка, которая шла через него из мира высшего в мир земной, заражала сердца людей необъяснимым волнением. Такое волнение можно испытать, когда внезапный торнадо вдруг заполняет собой всё окружающее пространство, когда необъяснимо тоскливо становится перед дождём – и людям, и даже птицам, когда ветер поднимает белую пыль и смешивает её с синим воздухом. Все эти странные вещи, которые невозможно объяснить, а можно лишь почувствовать, ощутить, испытать своей Душой.

– Послушай, жизнь нужно запомнить яркой, даже, если это всё, конец, понимаешь? – говорил Сайм, откусывая большой кусок от бутерброда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.